

Х · Р О · Н И К А

II СЪЕЗД ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

3—10 февраля 1955 г. в Москве состоялся Второй съезд Географического общества Союза ССР. Съезд подытожил достижения географической науки за семь лет, прошедших со времени Всесоюзного географического съезда 1947 г. В работе съезда принял участие более 2 тысяч человек; было заслушано 106 докладов, из них 25 на пленарных заседаниях и 81 на заседаниях секций. 20 докладов было сделано зарубежными гостями.

На заседаниях обсуждались важные вопросы развития советской географической науки (доклад И. П. Герасимова о состоянии и задачах советской географии на современном этапе с содокладом В. Ф. Васюткина по вопросам экономической географии С. В. Калесника о деятельности Географического общества СССР за 1947—1954 гг. Н. Н. Баранского о популяризации географических знаний; К. К. Маркова о подготовке географов в университетах); были заслушаны сообщения о многочисленных исследованиях, проводимых советскими географами и учеными смежных областей знания (В. Ф. Бурханова и Я. Я. Ганкеля о новейших географических работах в Советской Арктике; В. Г. Корт и Л. А. Зенкевича о работах в бассейне Тихого океана; Л. А. Дмина, К. А. Салищева и др. о работах по составлению новых географических карт атласов; С. П. Толстова и А. С. Кесь о палеогеографических работах в Средней Азии; Е. П. Павловского о достижениях медицинской географии; П. А. Летунова о природно-хозяйственном районировании территории СССР для целей сельского хозяйства; В. Д. Кислякова о природных условиях целинных и залежных земель и др.).

Съезд утвердил отчет о деятельности Общества, избрал Президента (акад. Е. П. Павловского) и Совет общества, вынес развернутые решения. Работа съезда вызвала значительное оживление в среде географов и работников смежных наук; повышение интереса к деятельности Географического общества сказалось в значительном притоке новых членов.

Кроме пленарных заседаний, работа съезда протекала в 9 секциях: физической географии, геоморфологии, палеогеографии, биогеографии, экономической географии, картографии, учебной географии, этнографии, истории географических знаний и исторической географии. Этнографической секцией было проведено три заседания, на которых были прочитаны и подвергнуты обсуждению шесть докладов по этнографии и три по антропологии.

В работе секции принимало участие примерно 60 ученых, главным образом московских (75—80% присутствовавших) и ленинградских (около 10%). По одному делегату прислали еще девять городов Советского Союза. С докладами выступили только научные сотрудники Института этнографии АН СССР. Между тем из выступлений товарищей, прибывших на съезд из дальних городов — Иркутска, Якутска, Махачкалы и других, видно, что у них имеется большой научный материал, богатый опыт работ, которым они могли бы поделиться с московскими этнографами. Такой состав докладчиков и вообще участников работ этнографической секции указывает на слабую связь с местными организациями и недостаточное использование ее в процессе подготовки съезда.

Не было уделено также должного внимания установлению тесной связи в работе этнографов и географов. На заседаниях этнографической секции почти не было географов. На пленарных заседаниях не было прослушано ни одного доклада по вопросам этнографии. Неудачна была и организация работ секций: все они заседали одновременно, что приводило к известной разобщенности как между географами различных специальностей, так и в особенности между географами и этнографами.

На заседаниях секции были подняты вопросы, стоящие в центре внимания советских этнографов.

П. Е. Терлецкий выступил с докладом на тему «О новых методах этнического картографирования». Указав на важность составления этнических карт — карт расселения народов, докладчик дал критический анализ различных методов, которыми пользуются этнокартографы. Он отметил, что метод людности, показывающий этнический состав каждого населенного пункта, практически осуществим лишь на картах слабо заселенных территорий. В буржуазном этническом картографировании до сих пор широко распространен антинаучный мажоритарный метод, не показывающий районов смешанного населения. Метод же этнических территорий, показывающий на каждой территории как основной народ, так и национальные меньшинства, не дает представления о численном соотношении народов на разных территориях. Докладчик подробно остановился на новом методе, разрабатываемом в Институте этнографии АН СССР, дающем возможность совмещать на одной карте элементы этнического состава и плотности населения. Этим методом составлен в Институте этнографии ряд региональных карт. Он используется также для составления этнической карты мира в масштабе 1 : 15 000 000. Докладчик продемонстрировал многочисленные карты, выполненные различными методами в секторе этнической статистики и картографии Института этнографии.

Выступившие в прениях Б. В. Андрианов, Е. П. Орлова и Я. Р. Винников отметили ценность нового метода этнического картографирования, но указали на сложность сочетания в достаточно наглядной, удобочитаемой форме показа этнического состава и плотности населения, в особенности в смешанных районах.

П. И. Кушнер в докладе «Опыт этнографического изучения культуры и быта русского колхозного крестьянства» сообщил, что Институт этнографии АН СССР и другими научными этнографическими центрами с 1949 г. проводится этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства. Вышла в свет первая большая монография о культуре и быте колхозников-таджиков, близятся к завершению две другие монографии о быте колхозников (русских и киргизов). Аналогичные работы подготовлены к печати академиями наук Белорусской, Армянской, Узбекской ССР и др.

На примере с. Вирятина Тамбовской области П. И. Кушнер показал, что монографическое этнографическое изучение колхоза, затрагивающее материальную культуру населения (жилище, одежду, пищу и пр.), семейный быт, нравы, культурный досуг и другие стороны народной жизни на различных стадиях их исторического развития, позволяет установить генезис изучаемых явлений и причинную зависимость происходящих изменений, объяснить сущность процесса социалистической перестройки быта и сделать понятными факторы, ускоряющие или, наоборот, замедляющие его развитие. Помимо личных наблюдений, опросов, записей истории поколений и бюджетного обследования, в с. Вирятинке был применен новый для этнографов метод полевого исследования — сплошная посемейная перепись, охватившая каждый колхозный двор. В результате такой переписи был получен богатый материал о народном жилище, структуре семьи, профессиях населения, его возрастном и половом составе, уровне образования.

Докладчик отметил, что для дальнейших таких исследований необходим многочисленный этнографический актив. Этого можно достигнуть, только усилив деятельность этнографического отделения Географического общества Советского Союза.

Выступавшие по докладу П. И. Кушнера отмечали, что монографическое изучение современного колхозного быта имеет первостепенное значение. В этой области советские этнографы вышли из стадии поисков на широкую дорогу научного исследования. Опыт последних лет показывает, — сказал Д. И. Гусев (МГУ), — что общие закономерности в развитии культуры и изменении быта по всему Советскому Союзу имеют важные локальные особенности, требующие тщательного изучения.

П. П. Хороших (Иркутский гос. университет) отметил, что использование в полевых исследованиях опыта Института этнографии АН СССР по изучению современности позволит в более короткий срок накопить значительные этнографические материалы. В Восточно-Сибирском отделении Географического общества более 100 лет работает этнографическая секция. Выходит специальный сборник со статьями по этнографии якутов, эвенков и других. С 1952 г. экспедиция Восточно-Сибирского отделения Географического общества изучает территорию, где пролагали первые пути землепроходцы в XVII в. Собраны уникальные этнографические памятники в области народного зодчества и прикладного искусства (например, ценнейшие образцы вышивки). Обследуемая территория была в прошлом заселена выходцами из б. Вологодской, Пермской и Вятской губерний. Интересно сравнить их культуру с культурой современного населения европейской части СССР. В связи со строительством на Ангаре для истории важно зафиксировать современное положение этих сел.

Я. Р. Винников отметил значительные достижения этнографии в изучении современности и подчеркнул важное значение метода сплошной подворной переписи населения обследуемой территории.

Г. С. Маслова в докладе «Опыт картографирования русской народной одежды» указала, что богатый этнографический материал, накопленный в дореволюционный и советский периоды, позволяет приступить к созданию обобщающих трудов по быту и культуре русского народа. К таким трудам относитсяготавливаемый Институт этнографии АН СССР русский историко-этнографический атлас. Одним из важнейших разделов его являются карты распространения отдельных явлений материальной куль-

туры. Составление карт распространения русской народной одежды в XIX и нача. XX в. предпринято впервые. Оно поможет обобщить разрозненные данные о русской одежде, выяснит генезис отдельных ее типов, некоторые стороны истории формирования различных групп русского народа, проникнуть нередко в очень ранние периоды этнографической истории и осветить многие вопросы истории формирования материальной культуры русского народа. Как основные источники, использованы этнографические коллекции центральных и местных музеев, архивные материалы, литературные данные и полевые исследования. Собранный этнографический материал характеризует народную одежду двух периодов: второй половины XIX в. и рубежа XIX—XX вв. Карты позволяют проследить те изменения, которые происходили в одежде в период ломки федално-крепостнических отношений и бурного развития капитализма в России.

Л. П. Потапов, выступивший с докладом, посвященным особенностям процесса национальной консолидации у народов Сибири в советскую эпоху, выдвинул следующие положения: нерусское население Сибири представляет собой в настоящее время различные формы общности людей, которые можно определить как мелкие этнографические группы, народности и, наконец, социалистические нации. Докладчик настаивал на необходимости отличать процесс формирования общности языка, территории, экономики и культуры в условиях докапиталистических и капиталистических и в условиях советского государственного строя. Л. П. Потапов утверждает, что в настоящее время процесс национальной консолидации в Сибири приводит к формированию либо социалистических наций (например, якуты, буряты), либо социалистических народностей (алтайцы, ненцы, чукчи и др.). Формирование социалистических наций в Сибири имеет специфические черты, т. к. эти народности в прошлом не успели сложиться в булунные нации. Важнейшим условием для формирования социалистической нации докладчик считает наличие рабочего класса. Наличие своего рабочего класса является показателем того уровня развития производительных сил, при котором только и возможен процесс сложения людей в нацию. Маленькие этнографические группы и народности Сибири, численность которых колеблется иногда от нескольких сотен до нескольких тысяч человек (кеты, тофалары, ороки, селькупы и др.) этого условия не имеют. По мнению докладчика, они не только не являются в настоящее время социалистическими нациями, но каждая из них, взятая в отдельности, вряд ли сформируется в отдельную социалистическую нацию и в будущем. Их путь формирования в социалистическую нацию лежит через естественное слияние с уже сложившимися нациями (русской, якутской, бурятской).

В заключение докладчик подчеркнул большую теоретическую и практическую важность изучения процессов национальной консолидации в Советском Союзе и необходимость углубленной разработки этих проблем этнографами и историками.

Выступивший в прениях П. Е. Терлецкий не согласился с некоторыми теоретическими положениями Л. П. Потапова. Так, он возражал против резкого разграничения малочисленных групп (менее 5 тыс.) на этнографические группы и народности. В действительности между этими группами нет принципиальной разницы. Неверно также не считать малочисленные этнографические группы Севера историческими общностями: они также прошли длительный исторический путь развития. Деление народностей Севера на две категории — народности, у которых есть предпосылки стать нацией, и народности, которые никогда не станут нациями, нереально и схоластично. Для малых народностей не обязательна ассимиляция, они могут развивать свою национальную культуру даже при смене родного языка. Неправильные, по мнению П. Е. Терлецкого, положения Л. П. Потапова ведут к недооценке развития национальной культуры малых народностей.

Я. Р. Винников отметил, что, попытавшись применить теоретические положения, выдвинутые Л. П. Потаповым, к некоторым группам населения Ферганы (так называемым тюркам, арабам, уйгурам, дунганам и др.), он усомнился в правильности определения докладчиком понятий этнографической группы и народности. Теоретические выводы следовало бы обосновать на более широком этнографическом материале.

По мнению И. С. Гурвича, доклад Л. П. Потапова вносит ясность в исследование проблемы национальной консолидации. Практическая важность изучения этой проблемы несомненна, особенно при решении вопросов школьной и языковой политики. В Якутской АССР процессы национальной консолидации в разных районах протекают по-разному. Якуты уже являются социалистической нацией, сложившейся при советской власти. Что касается отдельных этнических групп и народностей, то одни из них, например, эвенки, постепенно сливаются с якутами, другие, например, колымские чукчи, все более сближаются с местным русским населением.

Х. О. Хашаев, отметив, что доклад Л. П. Потапова проливает свет на многие вопросы, интересующие и дагестанцев, остановился на характеристике процессов национальной консолидации в Дагестане.

Н. Н. Степанов указал, что доклад Л. П. Потапова имеет большое теоретическое значение для исследования вопросов образования национальностей в Сибири. На местах часто допускают ошибки, недооценивая перспективы развития культуры малых народностей или, наоборот, пытаясь искусственно задержать реальные процессы национальной консолидации.

В заключительном слове Л. П. Потапов, защищая свои теоретические положения,

отметил, что они основаны на материалах по Сибири и их нельзя механически применять к другим районам, что он не делит население Сибири на этнографические группы и народности на основании их численности, как это приписывает ему П. Е. Терлецкий, а дает для этого четкие признаки. Вопрос о численности населения нельзя считать только предметом статистики, ибо численность населения связана с характеристикой развития производительных сил народности или нации.

Б. О. Долгих в докладе «Опыт составления этнографической карты Сибири XVII века» напомнил, что еще на предыдущем съезде он сделал сообщение о племенном составе населения Сибири. Итогом многолетнего труда докладчика явилась представленная им ныне на съезд карта племен, которых застали русские при своем приходе в Сибирь. В качестве источников для составления карты были использованы находящиеся в архивах Москвы и Ленинграда документы Сибирского приказа и «приказных изб» (воеводских канцелярий) — Якутской, Иркутской, Нерчинской и Баргузинской; рукописные материалы крупнейших исследователей Сибири XVIII в. — С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера; описания («росписи») коренного населения Сибири Андрея Палицына (1633) по Лене, Петра Головина (1640) по Ангаре и верховьям Лены, Ивана Москвитина (1641) по бассейну Май и Охотскому побережью и т. д., а также современные этнографические и топонимические данные; учтены и физико-географические условия местности. По этим источникам был установлен список групп населения (племен, иногда родов), подлежащих картографированию, и определена (главным образом на основе данных об уплате ясака) их численность. Выявленные группы населения нанесены на пятимиллионную карту Сибири. Докладчик подробно остановился на методах сочетания и взаимной корректировки данных, получаемых из различного типа источников, привел ряд примеров решения отдельных спорных вопросов. При сопоставлении расселения племенных и родовых групп Сибири в XVII в. с современным расселением их потомков выявилось, что одни группы почти не изменили своего местоположения, другие сильно расширили или, наоборот, сузили свою территорию и, наконец, третьи оказались совершенно в ином месте.

Все выступавшие по докладу Б. О. Долгих подчеркивали, что его работа является первым опытом такого рода и представляет большую научную ценность. Н. Н. Степанов отметил, что недостаток, отсутствие единой даты: племена каждой территории показаны в тех местах, где они были к моменту прихода русских на эту территорию; таким образом, в целом по Сибири охвачен период до 100 лет; между тем за этот период в расселении племен Сибири произошли значительные изменения. И. С. Гурвич, П. П. Хороших и другие в своих выступлениях остановились на работах, связанных с вопросами истории племен Сибири, проводимых в Якутском филиале Академии наук СССР и в Иркутском государственном университете.

М. О. Косвен в докладе «Основные достижения русской этнографии XVIII в.» показал, что XVIII в. был знаменательным в развитии русской этнографии и становлении ее как исторической науки. Крупнейшие для того времени (первая, а затем вторая) географо-этнографические экспедиции Академии наук дали выдающиеся в этнографическом отношении труды С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского и многих других. Важную роль для собирания этнографических материалов сыграла анкета, разработанная В. Н. Татищевым. В докладе была показана выдающаяся заслуга русской науки в этнографическом изучении Дальнего Востока и Северной Америки. В XVIII в. получила значительное развитие также этнография Украины, Европейского Севера, Поволжья, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Итогом широкого развития русской этнографии в XVIII в. является множество разносторонних и глубоких описаний обширного круга народов России, накопление и введение в научный оборот обширного разнообразного этнографического материала, широкое распространение этнографических интересов, выявление местной этнографии и местных этнографов.

П. П. Хороших указал, что М. О. Косвен не отметил роли некоторых русских землепроходцев, в частности Владимира Атласова, не назвал А. Н. Радищева, собравшего в период ссылки в Илеме значительный этнографический материал о русском населении. Обстоятельно следовало бы сказать и о Григории Шелехове. В Иркутске в настоящее время собирается материал, характеризующий встречу А. Н. Радищева и Г. И. Шелехова, во время которой они обсуждали вопрос об изучении народов Азии. Необходимо было использовать сибирские летописи, отметить и роль музеев, например, Сибирского, основанного как раз в XVIII в. и имевшего с самого начала этнографический отдел.

Н. Н. Степанов, отметив интересное освещение докладчиком истории русской этнографии XVIII в., также указал, что деятельность некоторых ученых того времени осталась неосвоенной; вместе с этим не дано обобщающих выводов о том, что представляет собой этнография XVIII в. как наука. Докладчик неправильно считает Ломоносова выразителем экономического направления в этнографии. Ломоносов положил начало прогрессивной линии в русской этнографии, которая идет через Крашенинникова и Зуева до революционных просветителей XIX в.

В заключительном слове М. О. Косвен указал, что его доклад имел обзорный характер, делать обобщения он считает преждевременным, так как разработка темы еще не закончена, сбор и изучение материала еще продолжают. К изучению истории этно-

графин, отметил докладчик, надо привлечь больше научных кадров, в особенности местных, обладающих многими важными материалами.

По антропологической тематике первым был заслушан доклад В. П. Якимов: «К вопросу о прародине человека». Докладчик начал с обзора имеющихся по этому вопросу теорий, разделив их авторов на две большие группы: тех, кто относит происхождение человека к сравнительно ограниченной территории (Вильзер, Дарт, Фогт, Амгино, Сера, Мэтью, Джуффрида-Руджери; Осборн, Сушкин, Абель и др.), и тех, кто расширяет его на все материк, кроме Австралии (как Монтандон, за которым фактически шли в советской литературе последователи Марра и в известной мере В. И. Равдоникас). Промежуточное место занимают различные современные теории (Борисковский, Ефименко, Якимов, Нестурх, Дебел), относящие область антропогенеза к различным более или менее обширным территориям в Юго-Западной Азии, Северной Африке и Южной Европе. Далее докладчик остановился на новых открытиях, сильно расширивших территорию распространения австралопитека в Африке, и предложил рассматривать в качестве прародины человека область, охватывающую Южную, Центральную и Переднюю Азию и северо-восточные области Африки. В. П. Якимов не усматривает связи процесса превращения ископаемой высшей обезьяны в человека в узко ограниченном типом скалистого ландшафта.

Выступивший в прениях М. А. Гремяцкий подверг критическому разбору гипотезы П. П. Сушкина и указал, что ряд биологических признаков современного человека (обезвоженность, характер потовых желез и др.) могут быть свидетельством формирования человека в тропической зоне.

В. В. Бунак указал на необходимость включения в сферу рассмотрения более широкого круга многообразных форм предков человека, тогда как докладчик ограничился лишь анализом взаимоотношений древнейших гоминид с диопитеками.

В. В. Бунак в докладе «О древних антропологических типах и их связи с географической средой» остановился на различных типах связи биологических особенностей древних людей с природной средой и подчеркнул особое значение в процессе расхождения косвенной адаптации по принципу коррелятивной связи между прямыми адаптивными признаками и комплексом дополнительных признаков. Докладчик высказал ряд интересных частных гипотез, например, о воздействии нейрорегуляции в различных климатических условиях на развитие той или иной формы волос.

Я. Я. Рогинский отметил, что положения докладчика заслуживают всестороннего внимания, но убедительность его аргументации несколько снижена ссылками на группы сравнительно недавно заселившие свою нынешнюю территорию (эскимосы, малайцы) и также отсутствием экспериментальных или иных фактических данных по частным биологическим вопросам.

Н. Н. Чебоксаров в докладе «Антропологические типы Советской Прибалтики» сообщил выводы, сделанные им из детального антропологического обследования около 6 тысяч человек, а также значительного количества черепных серий различных эпох во всех трех прибалтийских советских республиках. На основе своих исследований докладчик прослеживает пути и этапы заселения Прибалтики ее тремя основными антропологическими типами и приходит к выводу о давнем антропологическом смешении прибалтийских народов. Данные этнографии, как и данные антропологии, указывают на глубокую историческую общность эстонцев, латышей и литовцев, входящих, несмотря на резкие языковые различия, в состав одной историко-этнографической области.

В заключительной речи на заседании председательствовавший М. Г. Левин указал на необходимость развивать антропологическую науку в рамках Географического общества.

На съезде не стояли особо общие вопросы о взаимоотношениях этнографической и географической науки. Не было также, как уже отмечалось выше, докладов о работе этнографов на местах. Однако эти вопросы нашли отражение в отдельных выступлениях на заседаниях этнографической секции.

М. Г. Левин (Институт этнографии АН СССР), ссылаясь на выступления П. П. Хороших и других, подчеркнул, что на местах проводится значительная этнографическая работа. Широкая связь с местными работниками способствовала бы решению многих задач, стоящих перед Географическим обществом Советского Союза. В период между I и II съездами Общества значительно расширились кадры этнографов, подготовлено много кандидатов и докторов науки. За последний период стало ясно основное направление этнографической работы, более четко выявилась роль этнографа в изучении современности. Институт этнографии имеет свой печатный орган — журнал «Советская этнография». Среди подготовляемых к изданию трудов — большая серия «Народы мира». Первый том этой серии «Народы Африки» недавно вышел в свет. В ближайшее время выходят томы «Народы Сибири» и «Народы Австралии и Океании». Подготавливаются к печати русский этнографический атлас и среднеазиатский этнографический атлас, печатается этнографический атлас Сибири. Институтом разработан новый метод этнического картографирования.

Наряду с этим М. Г. Левин отметил и значительные пробелы в работе этнографов. Этнография пока не заняла надлежащего места в системе высшего образования. В ряде высших учебных заведений, в том числе и педагогических, отсутствует преподавание этнографии вообще. Съезд должен поднять вопрос о месте этнографии в пре

давании географии. Следует включить в план Географгиза издание работ по этнографии.

Необходимо обратить внимание на тяжелое положение краеведческих музеев. Они плохо обеспечены материально и крайне нуждаются в квалифицированных кадрах. Съезд должен поднять вопрос о развертывании работы краеведческих музеев.

Т.т. Степанов и Уразов в своих выступлениях указывали на игнорирование элементов этнографии при преподавании географии в средней школе и на географических факультетах вузов.

* * *

В резолюции, принятой в завершение работ секции этнографии, отмечены значительные успехи, достигнутые этнографической наукой между I и II съездами Географического общества СССР, и указаны ее существенные недостатки: недостаточность подготовленных этнографических кадров; отсутствие преподавания этнографии на географических факультетах вузов; отставание в публикации этнографических работ; отсутствие этнографической тематики в изданиях Географгиза; неблагоприятное с этнографической работой в краеведческих музеях и отсутствие этнографического музея в Москве — столице нашей многонациональной родины. Особо подчеркнуты недостатки этнографической работы в рамках Географического общества, связанные с ослаблением связи между этнографами и географами. Необходимо усилить работу отделения этнографии Географического общества в Ленинграде и создать такое же отделение в Москве, установить связь с этнографами на местах и создать местные этнографические секции.

Секция этнографии внесла на обсуждение Пленума съезда вопрос о восстановлении преподавания этнографии (с элементами антропологии) на географических факультетах университетов и педагогических институтов и вопрос о включении этнографической тематики в план Географгиза.

В резолюции отмечено, что важнейшими вопросами этнографической работы в рамках Географического общества СССР в ближайшие годы являются:

- 1) изучение социалистической культуры и быта народов Советского Союза;
- 2) изучение этнического и национального состава отдельных территорий Советского Союза; освещение вопросов формирования социалистических наций и народностей; разработка вопросов этнической картографии;
- 3) разработка вопросов этногенеза и этнической истории, а также вопросов антропологии, связанных с географией;
- 4) изучение и использование наследства русской этнографической науки, в частности трудов этнографов РГО в XIX—XX вв.;
- 5) планирование и организация этнографических экспедиций силами местных филиалов и отделов Географического общества, освещение вопросов этнографии на страницах его «Известий»;
- 6) дальнейшее укрепление связей советских этнографов с этнографами стран народной демократии и других зарубежных стран (в частности, путем книгообмена).

В резолюции выражена просьба к съезду поставить перед правительственными организациями вопрос о восстановлении в Москве этнографического музея.

М. Я. Берзина, Я. Р. Винников

СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ 1954 г.

21—26 апреля 1955 г. состоялась научная сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам археологических и этнографических экспедиций Института истории материальной культуры и Института этнографии за 1954 г.

Открывая сессию, М. Н. Тихомиров отметил, что истекший год ознаменовался значительными успехами: археологи и этнографы работали в разных районах страны, добыли и систематизировали обильный материал по истории и современной культуре народов СССР. Остановившись на краткой характеристике собранных материалов, М. Н. Тихомиров в заключение обратился с приветствием к присутствовавшим на сессии гостям из стран народной демократии — проф. В. Генселю (Польская академия наук), проф. Д. Димитрову (Болгарская академия наук), чл.-корр. Румынской академии наук Г. Штефану. Выступивший с ответным словом директор Ин-та истории материальной культуры Польской академии наук проф. В. Генсель передал присутствующим привет от польских археологов и этнографов и выразил уверенность, что уча-